

УДК 321.6 + 101.8
DOI 10.18522/2227-8656.2023.5.2
EDN AGAAJC

Научная статья

**ТРАДИЦИОННЫЕ
И СОВРЕМЕННЫЕ
ДИКТАТУРЫ:
СЛУЧАЙ ФАШИЗМА
(ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ)**

**TRADITIONAL AND MODERN
DICTATORSHIP:
THE CASE OF FASCISM
(INTRODUCTION
TO THE PROBLEM)**

В. П. Макаренко *
ORCID: 0000-0001-5651-4543

Victor P. Makarenko *

** Центр политической концептологии,
Институт философии и социально-
политических наук,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

** Center for Political Conceptology,
Graduate School of Business,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования – описать панораму анализа итальянского фашизма и германского нацизма 1920–1945 гг. путем систематизации основной проблематики литературы, вышедшей в 1960–1970-е гг. в европейских странах, но до сих пор малоизвестной в научном сообществе России.

Objective of the study is to describe the panorama of the analysis of Italian fascism and German Nazism of 1920-1945 by systematizing the main problems of literature published in the 1960s and 1970s in European countries, but still little known in the scientific community of Russia.

Методологическую базу исследования образуют труды автора, посвященные изучению главных идеологий современности (особенно традиционализма и консерватизма) и созданию политической концептологии – нового направления социополитических исследований.

The methodological basis of the research is formed by the author's works devoted to the study of the main ideologies of modernity (especially traditionalism and conservatism) and the creation of political conceptology – a new direction of socio-political research.

Результаты и их обсуждение состоят в конституировании особого тематического и проблемного поля. В его состав входят: формулировка исходных вопросов; страновая и властная типологии фашизма; советская традиция исследования; критика сталинизма; государство и террор; влияние революций на генезис фашизма; общие свойства фашист-

Research results. The results and their discussion consist in the constitution of a special thematic and problem field. It includes: formulation of initial questions; country and power typologies of fascism; Soviet tradition of research; criticism of Stalinism; state and terror; influence of revolutions on the genesis of fascism; general properties of fascist

© Макаренко В. П., 2023

ских диктатур; специфика фашистской ментальности; соотношение биографических и институциональных трендов генезиса фашизма и т. д.

Перспективы исследования определяются тем, что новые диктатуры требуют детального анализа и выработки всеобщего знания не только по причине существования неофашистских движений, образующих маргиналию политической жизни Европы. Их нужно познавать прежде всего потому, что фашизмы и нацизмы 1919–1945 гг. входят в состав генеалогии современности. К тому же классические фашизмы Муссолини и Гитлера образуют тайный идеал для подражания далеко не одного из нынешних государственных деятелей, которые официально отмежевываются от новых диктатур.

Ключевые слова: традиционные и современные диктатуры, фашизм, типологии фашизма, исследовательская проблематика фашизма

dictatorships; specifics of fascist mentality; correlation of biographical and institutional trends of the genesis of fascism, etc.

Prospects of the study are determined by the fact that new dictatorships require detailed analysis and the development of universal knowledge, not only because of the existence of neofascist movements that form the marginality of European political life. They need to be known primarily because fascisms and Nazisms of 1919–1945 are part of the genealogy of modernity. In addition, the classic fascism of Mussolini and Hitler form a secret ideal for imitation by far from one of the current statesmen who officially dissociate themselves from the new dictatorships.

Keywords: traditional and modern dictatorships, fascism, its typologies and research problems

Введение

Нынешнее знание о фашизме большинства жителей постсоветской России ограничено дефиницией, которую дал Г. Димитров в 1935 г. в докладе на VII Всемирном Конгрессе Коммунистического Интернационала: «Фашизм у власти есть ... открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» (Димитров, 1935). Аргументы в пользу такого определения и обсуждение других обстоятельств его появления можно найти в указанном докладе.

Это определение обрело популярность и существует до сих пор. После 1935 г. на протяжении полувека оно было обязательной формулой для миллионов коммунистов, распространивших его по всему миру. Но это определение не было первым, даже в рамках марксистской традиции. С первых лет существования фашистского движения оно вызвало интерес у многих коммунистических теоретиков и политиков. Например, А. Грамши рассматривал акции итальянских фашистов в 1919–1921 гг. по аналогии с белой гвардией в Советской России: «... У аграриев, – писал он, – возникла потребность создать собственную белую гвардию для борьбы против растущего влияния рабочих организаций. Это позволило бандам, созданным и вооруженным латифундистами, тоже присвоить себе наименование “фаши”, и в дальнейшем эти

последние восприняли от них черты белой гвардии капитализма, имеющей целью борьбу против классовых организаций пролетариата» (Грамши, 1980. С. 130). Поэтому Коммунистическая партия Италии часто ставила буржуазную демократию на одну доску с фашизмом (Лопухов, 1968).

Однако уже тогда А. Грамши зафиксировал тесную связь между возникающим в Италии фашистским движением и десятками тысяч государственных чиновников из органов безопасности, армии и милиции. Те и другие стремились использовать свою силу «... с целью остаться безнаказанными и достичь высшего рубежа любого движения, то есть овладеть политической властью» (Грамши, 1980. С. 124). Грамши считал, что у фашистов существует широкая социальная база в городе и в деревне, стремление к заимствованию социалистической и революционной идеологии, желание затопить всю страну «зловонным морем лжи», агрессивность и шовинизм (Грамши, 1957. С. 372–374).

Неделю спустя после победы Муссолини собрался IV Конгресс Коминтерна. В. И. Ленин был уже болен, работал мало, этими проблемами глубоко не занимался и только упомянул об аналогии между итальянским фашизмом и русской черной сотней: «Может быть, – писал В. И. Ленин, – нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно» (Ленин, 1982).

Более проницательный анализ итальянского фашизма сделал К. Радек, который квалифицировал его как мелкобуржуазное движение «социализма маленького человека». Победу Муссолини он признал «наибольшим поражением социализма и коммунизма» после первой мировой войны. После прений IV Конгресс Коминтерна провозгласил, что фашизм становится опасностью европейского и мирового уровня. Был осуществлен анализ его социальной базы и особо отмечено, что кроме крестьянства и мелкой буржуазии фашизм влияет также на отдельные группы рабочего класса.

На XIII съезде РКП(б) Н. Бухарин обратил внимание на то, что фашисты использовали тактический опыт большевистской партии и Октябрьской революции. Он считал, что после падения фашизма может наступить не диктатура пролетариата, а новая волна буржуазной демократии¹.

В целом для общей ориентации в сложной и многообразной проблеме отношения между Коминтерном и фашизмом требуется учет документов и посвященных этому вопросу монографий (Degras, 1956–1965; Pirker, 1966; Коминтерн против фашизма: документы, 1999).

Методология исследования

Большой объем литературы посвящен анализу ошибок коммунистического движения до 1935 г., когда социал-демократия рассматривалась как

¹ XIII съезд РКП(б), май 1924 года. Стенографический отчет. – М., 1963. С. 300–331.

главный враг коммунистов и недооценивалась необходимость борьбы всего левого фронта против фашизма. В интервью на тему антифашизма Д. Амендола, член политбюро ИКП, открыто признал, что итальянские коммунисты в 1922–1924 гг. были в союзе с Муссолини, тогда как социалисты уже находились в лагере его решительных противников (Amendola, 1976. Р. 72). В развитие этой главной идеи Амендола утверждал: «Мы, коммунисты, должны критиковать линию социал-фашизма, поскольку она ограничила деятельность рабочего класса и углубила раскол антифашистских сил... Это была ошибка, большая и трагическая ошибка, которая в позиции Коммунистической партии Германии по отношению к фашизму приобрела размеры аберрации... Но сегодня, когда мы уже вышли из фазы полемики, надо видеть и другую сторону действительности. По существу, именно в те годы (1933–1934), когда мы реагировали на победу Гитлера, на скамье подсудимых находился не коммунизм, как сегодня кажется некоторым вследствие превратной исторической реконструкции, на скамье подсудимых находилась социал-демократия» (Amendola, 1976. Р. 73).

Амендола напоминал: даже внутри социал-демократического лагеря Э. Луссу утверждал, что вряд ли уместно обсуждать сектантские ошибки коммунистов при таких обстоятельствах, когда германская социал-демократия, у которой на протяжении 20 лет были все козыри на руках, ничего не сделала для победы социализма и позорно капитулировала. Амендола подчеркивал, что германская социал-демократия после прихода к власти Гитлера проголосовала весной 1933 г. за его внешнюю политику. Поэтому вывод Амендолы в отношении социалистов и коммунистов однозначен: «Как те, так и другие совершили ошибки, и если бы не эти ошибки, то фашизм не победил бы» (Amendola, 1976. Р. 77–78).

Некоторое время спустя после компрометирующего голосования германских социал-демократов в Рейхстаге они были подвергнуты резкой критике внутри Социалистического интернационала. Ф. В. Адлер уже в 1933 г. предлагал коммунистам создать общий фронт против фашизма, а О. Бауэр обосновал необходимость такого шага (Bauer, 1972). Ф. Турати в 1928 г. написал работу «Фашизм, социализм и демократия», в которой не только детально описал истоки фашизма, но и считал его всеобщей угрозой, поскольку при определенных обстоятельствах фашизм может вводить «перманентное военное положение» во всем мире и в отдельных странах, заменяя борьбу классов борьбой рас, образуя замкнутую касту господ, правящую миллионами современных рабов.

Внутри социалистического движения возник труд «Фашизм» Ричарда Ловенталья. Он обратил внимание на классовую мобильность как свойство новейшего этапа развития капиталистических государств. К этой проблеме Ловенталь обратился в книге «Одна сторона капитализма», изданной в

1946 г. После окончания Второй мировой войны Ловенталь определил нацизм как выражение «нигилистического восстания против Европы» и всей гуманистической традиции в ее христианской, либеральной и социалистической формах.

Однако Вторая мировая война заслонила образ большинства фашизмов 1919–1939 гг. В опыте десятков миллионов людей фашизм отождествился с гитлеризмом. Преступления гитлеровцев против человечества не благоприятствовали климату спокойных научных дискуссий. Они начались только в 1950–1960-е гг., в том числе в СССР (Лопухов, 1968; Галкин, 1967). Эти исследования позволили развить и углубить прежние интерпретации и дефиниции, которые возникли в беспощадной борьбе с фашистами.

В литературе 1960–1970-х гг. фашизм рассматривался с трех точек зрения: как продукт умирающего капиталистического общества; как моральная болезнь Европы; как завершение особого цикла развития Италии и Германии. Примером может служить антология, на суперобложке которой помещены фото Франко, Гитлера, Муссолини (Allarduce, 1971). Одновременно выходили книги, в которых описывались различия между режимами итальянского дуче, германского фюрера и испанского каудильо (Moore, 1970. P. 128–203). На этой основе возникла и до сих пор обсуждается проблема: каковы общие свойства традиционных диктатур и фашизма как формы современной диктатуры?

В европейском контексте указанная проблема сводилась к вопросу: следует ли считать фашистами регента Венгрии Хорти (который не допустил к власти вождя венгерских фашистов Салаши) и диктатора Румынии Антонеску (который разогнал фашистскую «Железную гвардию» и приказал расстрелять ее участников)? Знатоки подчеркивают, что Хорти и Антонеску в борьбе с «революционным экстремизмом» автохтонных фашистов применяли методы традиционных правых политиков (Weber, 1976. С. 446–500).

Э. Нольте определяет фашизм как антимарксизм, который стремится уничтожить противника путем разработки радикально противоположной и все же сходной идеологии и применения почти тождественных, но видоизмененных методов, действующих всегда в рамках национального самоопределения и автономии (Нольте, 2001. С. 35). В соответствии с этим определением Нольте выделяет и анализирует социалистическое, либеральное, христианско-церковное, консервативное и марксистское истолкование фашизма (Нольте, 2001. С. 11–41). Свою концепцию он считает внепартийной и квалифицирует фашизм как трансполитический феномен (Нольте, 2001. С. 435–460). Суть его концепции сводится к поиску в различных странах (Франции, Италии, Германии) аналогичных движений со сходной идеологией, целями и методами. В целом этот поиск подчинен двум главным вопросам: какие элементы фашизма были контрреволюционными и революционными? почему фашизм стал символом эпохи в истории человечества?

Де Феличе вначале описывает классические концепции фашизма (это – моральная болезнь Европы; логический и неизбежный итог исторического развития некоторых стран; продукт капиталистического общества и антипролетарской реакции). Затем обсуждает три его интерпретации (католическую, тоталитарную, трансполитическую) и предлагает психосоциальную, социологическую и социо-экономическую классификации фашизма (Felice, 1976. P. 27–29).

Следует напомнить, что руководители Коминтерна (К. Цеткин, Г. Димитров, П. Тольятти) и деятели социалистического движения (О. Бауэр, А. Таска, А. Тальгеймер, Д. Герин, П. Дутт и др.) считали фашизм всеобщим феноменом. То же самое утверждали творцы и идеологи фашизма – Муссолини, Джентиле, Гитлер, Геббельс. Значит, следующая проблема формулируется так: был ли фашизм исключительно европейским или всемирным феноменом? потерпел ли он крах в 1945 году или здравствует до сих пор?

Г. Мишель считает, что фашистские движения и режимы живы до сих пор, особенно на неевропейских континентах. Он пишет о японском, бразильском, аргентинском, египетском и южно-африканском фашизмах как «демагогических левых фашизмах». По его мнению, даже в США существуют необходимые предпосылки фашизма, в состав которых входит расизм, антикоммунизм (в виде антибольшевизма, включающий социализм, рабочий синдикализм, интеллектуальный либерализм), изоляционизм и ксенофобия (Michel, 1977. P. 114).

Р. Кунл ставит вопрос: является ли фашизмом диктатура черных полковников в Греции? И дает на него отрицательный ответ. Эта диктатура использовала фашистские методы террора, пропаганды и мобилизации масс. Но она отличалась от аппарата власти «классических фашизмов» Италии и Германии полной зависимостью от крупной буржуазии. Греческие полковники выполняли роль обычного средства в руках имущих классов и США (Kuhnl, 1976. P. 165).

Д. Грегор в итоге анализа множества трудов заключает: «Современные социальные науки не дают нам ясного и строгого определения фашизма. Большинство историков не в состоянии выработать или доказать обобщения, которые позволили бы связать в одну картину предлагаемые ими нарративы. Тогда как более теоретически ориентированные исследователи социальных проблем создали ряд теорий фашизма, которые содержат множество конкретных ошибок, лишь частично устраненных в общей теории» (Gregor, 1973. P. 1346). Грегор не видит оснований искать угрозу фашизма в США, но усматривает ее в режимах фашистского типа в Южной Африке и европейских странах, отсталых с экономической точки зрения (Gregor, 1969).

Другой автор пишет, что режим Кваме Нкрума в Гане содержал ряд элементов фашизма. Но одновременно высказывает общую сентенцию: «Я не убежден, что есть смысл говорить о фашизме отсталых стран. Фашизм ну-

ждается в современном государстве, бюрократии и вожде, способном предложить миф, в который может поверить каждый (чего крайне трудно достичь в племенном обществе) и который будет символом нации. Если продолжить этот ряд, то для фашизма необходима не только нация, но и объединенная нация, однако я не располагаю знанием о том, насколько действительно объединение стран Третьего мира... Например, я не могу сказать, в какой мере ислам способен выполнить роль щита для светской религии типа фашизма, или в какой мере могут предложить такой щит примитивные религии Африки. Не следует забывать, что фашизм, будучи сам религией со многих точек зрения, не был снисходителен к соперничающей с ним религии» (Mosse, 1977. P. 144–146).

Де Феличе на основе анализа множества взглядов политиков и историков предложил классификацию фашизма по странам и форме власти.

Согласно первому критерию: «Фашизм появлялся везде там, где возник и получил развитие ряд следующих условий:

- все более интенсивный процесс социальной мобильности (прежде всего вертикальной);

- в сельском хозяйстве преобладали крупные землевладения (или их остатки), достаточно сильные и не интегрированные полностью в национальную экономику;

- возник или не был полностью преодолен экономический кризис (инфляция, безработица, дороговизна и пр.);

- происходил медленный процесс изменения и кризиса традиционных моральных ценностей;

- развивался кризис молодого или старого парламента, который подвергал сомнению легитимность системы власти (как со стороны коммунистов и социалистов, так и отдельных слоев буржуазии), что благоприятствовало популяризации идеи об отсутствии реальной альтернативы существующему правлению;

- война не решила или обострила национальные (повстанческие движения и наличие сильных национальных меньшинств) и колониальные проблемы, провоцируя конфликты на национальной почве и генезис ревизионистских тенденций в отношении договоров, заключенных в Версале, Трианоне и Сен-Джермене относительно всего европейского порядка» (Felice, 1976. P. 27–28).

Нетрудно заметить, что предложенная Феличе типология фашизма по странам базируется на неявной посылке: фашизм в пространстве и времени ограничен Европой 1919–1939/1945 гг.

Вторая типология базируется на форме власти: «Фашизм выражался посредством:

- определенной концепции политики или, скорее, типе мистической жизни, которая базировалась на примате иррационального атавизма (доверие

к прямому решительному действию) и на презрении к индивиду, которому противопоставлялась экзальтация национальным коллективом и необычными личностями (элита и сверхчеловек); именно из этих концепций вытекал ключевой для фашизма миф вождя;

– политического правления масс (в смысле их постоянной мобилизации и непосредственного контакта между вождем и массами), которое опиралось на однопартийную систему и партийную полицию и было реализовано в полицейском режиме, осуществляющем контроль за всеми средствами информации и пропаганды;

– вербального революционаризма и фундаментального консерватизма, смягченных рядом социальных гарантий;

– попытки создания нового правящего класса мелкой и средней буржуазии, представленного в партии и действующего с ее помощью;

– создания и роста роли сильного военного аппарата;

– преобладания частнособственнической экономики, которая включала рост публичных инициатив, переход от управления экономикой самими капиталистами и предпринимателями к управлению высшими государственными чиновниками, контроль главных направлений экономической политики, а также выполнение государством роли медиатора в трудовых спорах (корпоративизм) и тенденция к автаркии» (Felice, 1976. P. 28).

В этом месте Феличе замечает, что рассматривает фашизмы только в их европейской оптике. И подчеркивает модельный характер предлагаемых классификаций, которые должны быть проверены в конкретных национальных условиях.

На мой взгляд, обе типологии можно принять в качестве рабочих гипотез, которые следует проверять на основе анализа фашизма в конкретных европейских странах на протяжении 1919–1939/1945 гг. При этом типологию по формам власти можно дополнить спецификой всеохватывающего террора, типичного для фашистских режимов, а также анализом степени зависимости (подчинения) государственного аппарата партийному аппарату.

Феличе скептически оценивает идею общего знаменателя между Германией Гитлера и Италией Муссолини: «Различия между итальянским фашизмом и германским нацизмом огромны; это два мира, две традиции, две истории до такой степени разные, что крайне трудно связать их общей оценкой. Я не думаю, что можно обнаружить какой-либо общий знаменатель между ними, хотя не мешает его найти и установить ответственно и конкретно» (Felice, 1976. P. 29).

Разумеется, надо учитывать различия традиций Италии и Германии. Итальянский антифашизм стал массовым движением еще до падения власти Муссолини. Сила антирежимных тенденций была такова, что «фашизм рассыпался как карточный домик» (как писал после падения дуче Г. Макензен,

германский посол в Риме). Тогда как в Германии население страны поддерживало гитлеровский режим вплоть до его последних дней, а сопротивление было незначительным. Это было связано с фактом слабости традиции заговора и сопротивления в Германии.

Видимо, общий знаменатель между итальянским фашизмом и германским нацизмом состоит в том, что в Италии не удалось полностью тоталитаризировать политическую и социальную жизнь, как это случилось в Германии.

Стало быть, основным различием между итальянским фашизмом и германским нацизмом можно считать размеры террора. В Италии Муссолини не было лагерей массового уничтожения. Число политических заключенных исчислялось сотнями или тысячами. Зато с точки зрения повседневного психического террора существовало подобие между Италией и Германией. Это исключало возможность нормального труда и жизни для тех, кто хотел не столько противостоять, сколько быть независимым от режима.

В государстве Муссолини почти никто не чувствовал себя свободным от режима. Надо было стать фашистом, чтобы поступить в школу и университет, получить работу санитара, офицера, учителя (Felice, 1976). Национальная фашистская партия была единственной монополярной партией, которая в 1930-е годы насчитывала несколько миллионов членов, записавшихся в нее добровольно или под принуждением. В Италии можно было сочинять политические анекдоты. В Германии за это попадали в гестапо. Но формы психического террора были аналогичны.

Не менее аналогичны были цель, методы, генезис обоих движений и режимов. Доказано, что НСДАП до 1934 г. сознательно наследовала итальянских фашистов в методах организации движения и захвата власти. Затем роли поменялись. Муссолини начал копировать Гитлера по доброй воле и участию в конкуренции за титул первого фашиста мира. Тем самым общий знаменатель возрастал. Однако при обсуждении проблемы террора нельзя забывать, что термин «итальянский фашист» или итальянец означал для эфиопов, албанцев, греков и югославов агрессора и оккупанта, который в Африке применял отравляющие вещества, а в Европе осуществлял коллективные убийства.

Итальянские фашисты и германские нацисты определяли сами себя как революционеров. Даже поверхностное знакомство с периодом фашизма свидетельствует о частоте употребления терминов «революция», «революционер», «революционный» в словаре членов фашистской и нацистской гвардии. Итальянские фашисты называли свой режим *grande novita del secolo* (главной новостью столетия), марш на Рим – революцией, цели и методы – современными и революционными. То же самое говорил Гитлер, который вводил «новый порядок» и создавал фундамент «тысячелетнего рейха».

К. Брахер отмечает «революционный характер фашизма» (Bracher, 1969. P. 429). Г. Моссе тоже использует это определение, но в специфическом кон-

тексте: «Нацизм был антиеврейской революцией. Будучи не в состоянии совершить экономическую и социальную революцию, он передвинул ось своей революции в направлении против евреев. Это – фундаментальный вопрос, поскольку идеал для контраста нуждается в его отрицании. Для идеи расы нужен был антиидеал, и эта роль была приписана евреям» (Mosse, 1977. Р. 31). М. Брошат и Х. Линц оперируют понятием «поколенческой революции» или «студенческого восстания» с учетом многочисленного участия молодежи в нацистском движении и возраста его руководителей (Linz, 1976. Р. 3–121). Многие исследователи признают, что фашизм использовал новые методы, которые в определенном смысле можно назвать революционными, а на стадии движения заимствовал определенные лозунги от революционной левой (особенно в Италии). Я. Талмон стремится даже обнаружить связи между итальянским фашизмом и Великой французской революцией (Talmon, 1952).

Ю. Вебер показал относительность понятий *революции* и *революционного государства* на основе примеров от 1789 г. до настоящего времени (Weber, 1976. Р. 446–500). В гегелевско-марксовом словаре понятие революции связано с понятием *исторического прогресса*. Тогда как фашизм, независимо от намерений и самоопределений его творцов, не был носителем прогресса. Поэтому попытки фашистских политических преобразований целесообразнее называть *мятежом*.

Основной предпосылкой кристаллизации фашизма является сильный национализм, который выражается в глубоко укорененной вражде к другим нациям, организациям и движениям международного характера (типа коммунизма, социализма, масонства, международных финансистов, пацифистов, защитников прав человека, космополитам и пр.). Речь идет о вражде ко всему «чужому» и наднациональному. Этим объясняется вражда в отношении евреев как реальных или потенциальных носителей идей космополитизма. Такая вражда может возникать и в движениях, и режимах, которые в начале не были антисемитскими и расистскими. Антисемитизм и расизм не являются необходимой предпосылкой фашистского движения, а существуют как его свойства.

Сегодня слово «фашист» вызывает отрицательные эмоции, которые используются в острых политических спорах. Но после 1945 г. это слово получило иной смысл, лишь косвенно связанный с первичным значением. Официально признанные неофашистскими движения нередко отказываются от националистических и антисемитских лозунгов. Например, среди членов паневропейского движения немало прежних фашистов, которые теперь выдвигают идею демократической связи стран Запада против советского коммунизма. Такая эволюция может быть предметом особого исследования, если учесть меру первичных антиинтернациональных установок европейских фашистов уже в период генезиса. По крайней мере европейским фашистам не

удалось объединиться даже на краткое время в фашистском Интернационале, хотя такие попытки предпринимались (Ledeen, 1972). В конечном счете все подчинились гегемонии гитлеровской Германии.

Фашизм требует детального анализа и выработки всеобщего знания не только по причине существования неофашистских движений, образующих маргиналию политической жизни Европы. Его нужно познавать прежде всего потому, что фашизмы 1919–1945 гг. входят в состав генеалогии современности. Некоторые ученые, писатели и политики называют этот период эпохой фашизма (Nolte, 1971). Требуется доскональное знание о нем, поскольку классические фашизмы Гитлера и Муссолини образуют тайный идеал для подражания далеко не одного из нынешних государственных деятелей, которые официально отмежевываются от фашизма.

Создание антологии текстов ученых, изучающих фашизм, остается пока в России нереализованной задачей. Это положение невозможно сравнить с другими европейскими странами, в которых антологии фашизма издаются уже почти сто лет (Landauer, Honegger, 1928). Но следует добавить, что и в Европе первые синтетические труды начали выходить только в 1960-е годы. В Германии большую роль сыграли публикации В. Абендрота (Abendroth, 1967). Однако даже среди ученых фашизм пробуждает страсти, которые проявляются в форме беспардонных полемик в печати, не свободных от обвинений в тоталитарных, крайне левых или крайне правых симпатиях. В качестве примера можно указать уже упомянутого Э. Нольте (Nolte, 1971). В любом случае обеспечение российских библиотек лавинообразно нарастающей литературой по теме фашизма является неудовлетворительным.

Следует особо отметить важность вклада Х. Арендт в анализ фашизма, который тоже требует особого исследования. Она одной из первых подчеркнула: фашизм есть движение масс, и сделала акцент на изучение взаимосвязи между активностью масс, фашистским движением, партией и тоталитарным режимом. В то же время мы согласны с G. Mosse, который констатировал чрезмерную широту концепции тоталитаризма (Кравченко, 2010). Эта концепция описывает сходства и подобия, но одновременно в качестве «...этикетки используется в отношении всего того, что является антилиберальным, и в результате затушевывает различия» (Mosse, 1977. P. 31).

Проблему фашистской ментальности впервые поставил В. Райх в работе, первый вариант которой был написан в 1933 г. Но тогда ее читало лишь небольшое число эмигрантов из Германии. В широкий оборот эта книга вошла в 1940-е гг. Райх верифицировал свои коммунистические взгляды 1930-х гг. в эмиграции в США и значительно переработал первичный текст.

Райх отвергает тезис, согласно которому фашизм может быть феноменом, обусловленным развитием и традицией отдельных наций, индивидов, этнических и политических групп, «национальной спецификой немцев или япон-

цев». В предисловии к третьему изданию, которое вышло в августе 1942 г. в США, он утверждает: «Фашистский протест всегда возникает там, где из-за страха перед истиной революционная эмоция искажается, принимая иллюзорный характер. В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека» (Райх, 1997. С. 13).

Райх подчеркивал, что для понимания фашизма необходимо детальное и пронизательное изучение характера обычного маленького человека: «Этот “маленький человек” досконально изучил поведение “большого человека” и поэтому воспроизводит его в искаженном и гротескном виде. Фашизм – это сержант колоссальной армии нашей глубоко больной, промышленно развитой цивилизации. Высокая политика превратилась перед “маленьким человеком” в балаганное представление. Маленький сержант превзошел генерала-империалиста во всем: в маршевой музыке, в “гусином шаге”, в умении командовать и подчиняться; в способности съеживаться от страха перед идеями; в дипломатии, стратегии и тактике; в умении одеваться и проводить парады; в знаках отличия и почетных наградах. Во всех этих вещах кайзер Вильгельм выглядит жалким фальсификатором по сравнению с Гитлером, сыном голодного чиновника. Увешивая всю грудь медалями, “пролетарский” генерал показывает, что “маленький человек” “ничем не хуже” “настоящего” большого генерала» (Райх, 1997. С. 14).

Существует громадная биографическая литература о Гитлере и Муссолини. Чтение этой литературы подводит к вопросу: насколько германский нацизм был делом Гитлера, а итальянский – делом Муссолини? Эта проблема остается предметом дискуссий среди специалистов (Graml, 1974). В первые послевоенные десятилетия был распространен демонологический подход, приписывающий ответственность за системы преступления и массовые убийства только Гитлеру и Муссолини, а если учитывать региональное измерение, то мелким фюрерам типа «хорватского поглавника Анте Павелича, сердце которого радовали усташы», принося ему в дар целые корзины глаз, вынутых у коммунистов, сербов и евреев.

Гитлер уже в 1920-е гг. поставил перед собой четко определенные цели. Он был рационален с точки зрения цели, но совершенно безрассудным с точки зрения средств. С Муссолини дело обстояло, наоборот. В 1922–1945 гг. он дважды менял модель Италии, применительно к обстоятельствам. Тогда как его методы были рациональнее методов Гитлера (Melograni, 1976). Поэтому итальянский фашизм трудно называть муссолинизмом. Культ дуче сыграл большую роль в сплочении итальянского общества, но многие факты говорят о том, что эта система существовала бы и без Муссолини. В 1943 г. была реализована такая попытка – против дуче высказался Большой фашистский совет. Однако заговор остался бунтом в рамках фашизма. Виктор Эмману-

ил III (протектор фашистов) и генералитет, во главе с поднявшимся благодаря фашизму маршалом Бадольо, хотели сохранить многие институты, введенные прежним режимом. Но дальнейшее развитие событий было предпрешено военными действиями, а не волей Виктора Эммануила III и Большого фашистского совета.

К. Брахер отмечает, что совсем иначе обстояло дело с Гитлером: «Главное свойство национального социализма состоит в том, что с самого начала до последнего мгновения он опирался на Гитлера и рухнул вместе с ним; зависел от его решений, идеологических установок, политического стиля и требований, содержащейся в громадной альтернативе: победа или катастрофа. Это видно из страстного стремления к экстремальным решениям и извлечению окончательных последствий, которые можно рассматривать как перенесение на сцену истории театрального пафоса опер Рихарда Вагнера... Это повлияло не только на идеологические цели, но еще больше на организацию массовых митингов с их театральным показом всемогущества власти и обожествления фюрера. В этом смысле национальный социализм был и остался гитлеризмом: этот человек вместе с его намерениями и делами будут постоянно находиться в центре любой истории национального социализма. Но одновременно самого Гитлера следует понимать и анализировать в свете тех германских и европейских традиций, которые задолго до Гитлера установили сферу и создали подпочву для народного движения и национального социализма. На вопрос о роли личности можно ответить однозначно в двойном измерении. Во-первых, Гитлер был наиболее радикальным выразителем и наиболее эффективным пропагандистом ряда идей и чувств, которые составили ядро германского экстремистского национализма: антидемократизма, империализма и расизма. Без его увенчанной удачей деятельности германская история 1930-х годов и Вторая мировая война были бы немыслимы. Во-вторых, если рассматривать ее на длительном промежутке, то политика Гитлера на деле привела к результатам, которые диаметрально отличались от намерений, какими он руководствовался, и целей, которые перед собой ставил» (Bracher, 1976. P. 85).

«Гитлер – резюмирует К. Брахер, – это немецкий феномен. Вместе со своим ригористическим доктринерством и перфекционизмом в преобразовании абстрактной, хотя губительной идеи с генерализирующими упрощениями он воплотил одну из множества германских традиций и довел ее до абсурда» (Bracher, 1976. P. 85–86). Не случайно А. Баллок завершал в 1952 г. свою книгу утверждением, что вся Европа и весь мир были принесены в жертву тому, кто 30 апреля 1945 года совершил самоубийство в осажденном Красной армией Берлине. Почти столетия спустя можно лишь подтвердить истинность этих слов.

Общие выводы

Из всего сказанного вытекают общие свойства фашизма как разновидности современной диктатуры: национализм (в зависимости от величины и традиций нации он может проявляться в формах паннационализма и шовинизма), отрицание демократии, либерализма, парламента, пролетариата, социализма и коммунизма, независимо от того, что фашистские диктатуры нередко пользуются лозунгами защиты прав пролетариата, а также социалистическим и революционным словарем.

Фашизм применяет современные методы пропаганды, монополизирует СМИ, которые распространяют одну-единственную общеобязательную доктрину. Она должна охватывать все проявления человеческой жизни, опираться на полное отрицание прежней социальной системы и полагать, что только фашизм может создать «нового человека», общество, порядок, мир и т. п.

Фашизм – это культ действия и насилия. Он апеллирует к эмоциям, мифам, мифологизированному прошлому нации, создает мифических врагов, против которых мобилизует общественное мнение. Использует любые иррациональные реакции, типичные для обычного «среднего человека». При этом ненависть образует основной метод мобилизации масс.

Фашизм всегда стремится к превращению в массовое движение. До прихода к власти и в первый период после ее взятия он получает поддержку широких масс и создает массовую партию, а нередко и многочисленные парамилитарные отряды (наряду с государственной армией). Этим фашизм отличается от традиционных авторитарных режимов, в которых небольшая группа управляет насилием с опорой на армию и полицию, при безразличии или сопротивлении широких слоев общества.

Питательной почвой фашизма является экономический, политический и моральный кризис. На первой фазе движения он обращается ко всем, кто не нашел себе место в меняющейся социальной структуре: бывшим солдатам, молодежи, студентам, привлекает тех, кому индустриализация и модернизация угрожают потерей места в прежней социально-экономической системе. Фашизм обращается к крестьянству, особенно если другие политические партии не использовали его политический потенциал, привлекает также часть промышленного пролетариата. Но главной опорой фашизма является мелкая и средняя буржуазия.

Фашизм демагогически использует экономические и социальные лозунги, что тоже объясняет его привлекательность. Некоторые из них реализуются после взятия власти (ликвидация на краткий период или длительное время безработицы), когда осуществляется массовизация образования и социальной опеки. В экономике фашизм связан с государственным контролем, координацией и руководством всей социальной жизнью. На фазе движения

он выступает против крупной буржуазии. На стадии режима он стремится ограничить всевластие промышленного и финансового капитала, принуждая его к определенным расходам в пользу рабочих и партийно-государственного аппарата.

Одновременно фашизм обеспечивает преемственность диктатуры крупного капитала в новых исторических условиях. Он лишает рабочий класс даже тех форм самозащиты, которыми он располагал при буржуазно-демократическом устройстве (например, права на забастовку). Гарантией диктатуры является новый правящий класс, который монопольно распоряжается всеми средствами вооруженной борьбы, вводит всеохватывающую систему физического и психического террора, которая реализуется через партию, полицию, армию, профессиональные организации. Государственный террор отличается массовостью, постоянным напряжением и использованием современных средств, которые предлагают современная наука и технология. Благодаря системе террора фашизм может сохранить власть нового правящего класса даже тогда, когда уже не действует его пропаганда, экономическая и социальная политика терпят крах, а большинство общества обращается против режима. Фашистские государства не в состоянии гарантировать на длительное время улучшение экономического положения широких масс. Поэтому они обращаются к мобилизации общества во имя милитаристских лозунгов и внешней агрессии. Милитаризм и территориальная экспансия – неотъемлемые черты фашизма.

Фашизм ведет к тотальному подчинению всего общества вертикальной системе власти: один вождь, одна партия, единообразные неклассовые профсоюзы (синдикаты, корпорации), один народ. Партийный аппарат переплетается с государственным. Жизнь общества подчинена принципу: все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства.

Некоторые из описанных свойств (национализм, антикоммунизм, расизм) присущи не только фашизмам, другие имеют второстепенный характер (антимасонство), но в целом типичны для фашистских движений и режимов. Аналитики фашизма часто делают упор на его антирелигиозный и антицерковный характер. Это верно в отношении Третьего рейха. Но борьба с религией и церковью не была свойством итальянского, австрийского, хорватского и словацкого фашизмов на стадии режима.

Заключительная ремарка

Я не стремился исчерпать всю проблематику анализа. Напоследок отмечу: преступления гитлеризма не отменяют того факта, что методы побежденных оказали определенное влияние и на победителей. Только в 1990-е гг. были опубликованы документы, показывающие, насколько жестоко отнеслись некоторые британские политики к сотням тысяч граждан СССР и Вос-

точной Европы, которые оказались в их распоряжении (Бетелл, 1992). Период фашизмов способствовал брутализации политической и социальной жизни после 1945 года. Частичным результатом этой эпохи стало массовое применение насилия, подавление прав человека, международного права, безразличие к массовым убийствам в Азии и Африке, распространение террористических политических убийств в странах Западной Европы, крайняя нетерпимость к идеологическим и политическим противникам, психическое и физическое подавление целых социальных слоев и классов за иные взгляды и использование на массовом уровне политических провокаций и обмана.

Список источников

Бетелл Н. Последняя тайна: [О репатриации сов. военнопленных в годы Второй мировой войны : Пер. с англ. / Н. Бетелл; Предисл. Х. Тревор-Ропера; Послесл. В. Некрасова]. – Москва: Новости, 1992. – 253 с. – ISBN 5-7020-0475-2.

Галкин А. А. Германский фашизм / А. А. Галкин; Отв. ред. Б. И. Коваль; АН СССР. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Наука, 1989. – 350 с. – ISBN 5-02-008986-9.

Грамини А. Избранные произведения: В 3 т.: Пер. с итал. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1957–1959. – 3 т.

Грамини А. Избранные произведения. Пер. с итал. – М.: Политиздат, 1980. – 424 с.

Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма: Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистич. Интернационала 2 авг. 1935 г. Политический отчет ЦК БРП(к) V съезду партии. 19 декабря 1948 г. – Москва: Госполитиздат, 1958. – 224 с.

Коминтерн против фашизма: Документы / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Федер. архив. служба России. Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории; Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. В. Дамье и др. – Москва: Наука, 1999. – 505 с. – ISBN 5-02-009478-1.

Кравченко И. И. Диктатура // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. 2-е изд., испр. и допол.

References

Bethell N. The Last secret: [About the repatriation of owls. prisoners of war during the Second World War: Translated from English; Foreword by H. Trevor-Roper; Afterword by V. Nekrasov. *Moscow: Novosti = Moscow: News; 1992. 253 p. ISBN 5-7020-0475-2. (In Russ.)*.

Galkin A. A. German fascism. Ed. by B. I. Koval; USSR Academy of Sciences. 2nd ed., supplement and revision. *Moscow: Nauka; 1989. 350 p. ISBN 5-02-008986-9. (In Russ.)*.

Gramsci A. Selected works: In 3 volumes: Trans. from Italian. *Moscow: Izd-vo inostr. lit. = Moscow: Publishing House of Foreign Lit., 1957-1959. 3 vol. (In Russ.)*.

Gramsci A. Selected works. Translated from Italian. *Moscow: Politizdat, 1980. 424 p. (In Russ.)*.

Dimitrov G. The Offensive of fascism and the Tasks of the Communist International in the Struggle for the Unity of the working class against fascism: A Report at the VII World Congress of Communists. Internationale 2 Aug. 1935. Political report of the Central Committee of the BRP(k) to the V Party Congress. December 19, 1948. *Moscow: Gospolitizdat; 1958. 224 p. (In Russ.)*.

Comintern against Fascism: Documents / RAS. In-t is universal. stories, Feder. archive. service of Russia. Russian Center for the storage and study of doc. modern history; Comp., auth. introductory article and commentary by V. V. Damier et al. *Moscow: Nauka; 1999. 505 p. ISBN 5-02-009478-1. (In Russ.)*.

Kravchenko I. I. Dictatorship. New philosophical encyclopedia. *Moscow: Mysl' =*

Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября; Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. / В. И. Ленин. – Минск: Беларусь, 1982. – 30 с.

Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919–1929 гг. / АН СССР. Ин-т истории. – Москва: Наука, 1968. – 415 с.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Пер. с нем. Предисловие Л. Гунцберга. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.

Райх В. Психология масс и фашизм: [Пер. с нем.] / В. Райх. – СПб.: Унив. кн.; М.: АСТ, 1997. – 379 с. – ISBN 5-7914-0002-0.

Abendroth W. Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktionen des Faschismus / W. Abendroth. – Frankfurt/M. 1967. 185 p.

Allardyce G. The Place of Fascism in European History / G Allardyce // Englewood Cliffs, N.Y., 1971. – 178 p.

Amendola G. Intervista sull'antifascismo / G. Amendola; Ed. P. Melograni. – Bari, 1976. – 221 p.

Bauer O. Der Faschismus // O. Bauer; Abendrot W. (ed.). Faschismus und Kapitalismus. – Frankfurt/M., 1972. – 185 p.

Bracher K. Die Deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur und Folgen des Nationalsozialismus / K. Bracher. – Köln-Berlin. 1969. – 571 p.

Bracher K. Probleme und Perspektive der Hitler Interpretation. Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus und Demokratie / K. Bracher. – München, 1976. – 158 p.

Degras J. The Communist International (1919–1943). Documents. – London; New York / J. Degras // 1956–1965. B. 1–3. 494 p.

Felice R. Interpretacje faszyzmu / R. Felice. – Warszawa, 1976. – 277 p.

Graml H. Problem einer Hitler-Biographie / H. Graml // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte – 1974, № 22.

Gregor J. On Understanding Fascism / J. Gregor // American Political Science Review. – 1973. – X11. – 67.

Gregor J. The Ideology of Fascism / J. Gregor. – New York, 1969. – 493 p.

M.: *Thought*, 2010. 2nd ed., corr. and add. (In Russ.).

Lenin V. I. Five years of the Russian Revolution and prospects of the World Revolution. Report at the IV Congress of the Comintern on November 13; Speech at the plenum of the Moscow Council on November 20, 1922. *Minsk: Belarus*; 1982. 30 p. (In Russ.).

Lopukhov B. R. Fascism and the labor movement in Italy. 1919-1929. USSR Academy of Sciences. In-t history. *Moscow: Nauka*; 1968. 415 p. (In Russ.).

Nolte E. Fascism in its era. Translated from German. Foreword by L. Gunzberg. *Novosibirsk: Siberian Chronograph*; 2001. 568 p. (In Russ.).

Reich V. Psychology of the Masses and fascism: [Transl. from German]. *St. Petersburg: Univ. kn.; Moscow: AST*; 1997. 379 p. ISBN 5-7914-0002-0. (In Russ.).

Abendroth W. Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktionen des Faschismus. *Frankfurt/M*, 1967. 185 p.

Allardyce G. The Place of Fascism in European History. Englewood Cliffs. N.Y. 1971. 178 p.

Amendola G. Intervista sull'antifascismo. Ed. P. Melograni. *Bari*, 1976. 221 p.

Bauer O. Der Faschismus; Abendrot W. (ed.). Faschismus und Kapitalismus. *Frankfurt/M*; 1972. 185 p.

Bracher K. Die Deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur und Folgen des Nationalsozialismus. *Köln-Berlin*; 1969. 571 p.

Bracher K. Probleme und Perspektive der Hitler Interpretation. Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus und Demokratie. *München*; 1976. 158 p.

Degras J. The Communist International (1919-1943). Documents. *London; New York*; 1956-1965. B.13. 494 p.

Felice R. Interpretacje faszyzmu. *Warszawa*; 1976. 277 p.

Graml H. Problem einer Hitler-Biographie. Vierteljahreshefte für *Zeitgeschichte*. 1974; 22.

Gregor J. On Understanding Fascism. *American Political Science Review*. 1973; X11: 67.

Gregor J. The Ideology of Fascism. *New York*; 1969. 493 p.

Kuhnl R. Formen burgerlichen Herrschabt. Liberalismus. Faschismus. Reinbek bei *Hamburg*; 1971-1976. 189 p.

Kuhnl R. Formen burgerlichen Herrschabt. Liberalismus / R. Kuhnl // Faschismus. Reinbek bei Hamburg. 1971–1976. – 189 p.

Landauer C. Internationale Faschismus / C. Landauer, H. Honegger. – Karlsruhe, 1928. – 165 p.

Ledeem M. Universal Fascism. The Theory and Practice of the Fascist International. 1928–1936 / M. Ledeen. – New York, 1972. – 200 p.

Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism. A. Reader's Guide. Laqueur W. (ed.) / J. Linz. – London, 1976. – 500 p.

Melograni P. Theories of Fascism / P. Melograni // Journal of Contemporary History. – 1976. – № 4.

Michel H. Les fascismes / H. Michel. – Paris, 1977. – 504 p.

Moore C. H. (red.) Authoritarian Politics in Modern Society / C. H. Moore. – New York, 1970. – 533 p.

Mosse G. Intervista sul nazismo / G. Mosse; Ed. M. Leeden. – Bari, 1977. – 152 p.

Pirker T. Komintern und Faschismus 1920–1940 / T. Pirker. – Stuttgart, 1966. – 203 p.

Talmon L. The Origin of Totalitarian Democracy / L. Talmon // London, 1952. – 366 p.

Weber E. Revolution? Counterrevolution? What Revolution? // Laqueur W. (red.). Fascism. A Reader's Guide / E. Weber. – London, 1976. – 500 p.

Landauer C., Honegger H. Internationale Faschismus. Karlsruhe; 1928. 165 p.

Ledeem M. Universal Fascism. The Theory and Practice of the Fascist International. 1928–1936. New York; 1972. 200 p.

Linz J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism. A. Reader's Guide. Laqueur W. (ed.) London; 1976. 500 p.

Melograni P. Theories of Fascism. Journal of Contemporary History. 1976: 4.

Michel H. Les fascismes. Paris; 1977. 504 p.

Moore C. H. (red.) Authoritarian Politics in Modern Society / C. H. Moore. New York, 1970. – 533 p.

Mosse G. Intervista sul nazismo; Ed. M. Leeden. Bari; 1977. 152 p.

Pirker T. Komintern und Faschismus 1920–1940. Stuttgart; 1966. 203 p.

Talmon L. The Origin of Totalitarian Democracy. London; 1952. 366 p.

Weber E. Revolution? Counterrevolution? What Revolution? In: Laqueur W. (red.). Fascism. A Reader's Guide. London; 1976. 500 p.

Для цитирования: Макаренко В. П. Традиционные и современные диктатуры: случай фашизма (введение в проблему) // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 5 (63). – С. 26–44.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.5.2

EDN AGAAJC

История статьи:

Поступила в редакцию – 08.09.2023.

Одобрена после рецензирования – 26.09.2023.

Принята к публикации – 29.09.2023.

Сведения об авторе

Макаренко Виктор Павлович

Доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет
AuthorID РИНЦ: 73057
Vpmakar1985@gmail.com

Information about author

Viktor P. Makarenko

Doctor of Political Science, Doctor of philosophical sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Political Conceptology Graduate School of Business, South Federal University
Scopus AuthorID: 57195803598
Vpmakar1985@gmail.com